

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

*Древности
Восточной Европы*

Ханасская областная
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1969

Таковы курганы, раскопанные мной в 1954 г. на правом берегу р. Случь, около г. Мирополь. Они совершенно подобны курганам, раскопанным в этих же группах С. Гамченко. Так, и во время наших раскопок, и во время раскопок С. Гамченко в первой группе («По дороге из Фастовской мельницы на шлях») были обнаружены курганы, содержащие погребения с трупосожжением, и курганы, содержащие трупоположения. В могильнике они располагаются вперемешку друг с другом. В курганах с трупосожжением встречались только лепные сосуды, в курганах с трупоположением — только гончарные. Во второй группе («Токовысько») и во время раскопок С. Гамченко, и во время моих раскопок были обнаружены только погребения с трупосожжением, содержащие лепные сосуды пражского типа. В обеих группах во всех курганах захоронения произведены на уровне поверхности древнего горизонта.

Поскольку во вскрытых нами погребениях отсутствуют строго датирующие вещи, трудно определить время захоронений.

Обычно считается, что комплексы, содержащие только лепные сосуды пражского типа, относятся к VI—VII вв. н. э. В нашем случае такими комплексами являются все курганы в группе «Токовысько» и курганы с трупосожжением в группе «По дороге из Фастовской мельницы на шлях». Курганы же с трупоположением в этой последней группе, судя по гончарным сосудам, найденным в них, могут быть датированы X—XI вв. н. э. Однако при этом следует иметь в виду, что нередко на славянских поселениях лепные сосуды пражского типа и гончарные сосуды типа сосудов из наших курганов встречаются вместе в одних комплексах (Хотомель, Бабка и др.). Учитывая к тому же расположение курганов с различным обрядом на могильнике первой группы, можно допустить, что курганы с трупосожжением, во всяком случае курганы первой группы, могут относиться и к более позднему времени, чем принято датировать комплексы, содержащие только керамику пражского типа.

О памятниках ранних гуннов

Л. Р. Кызласов

В 1958 г. нами была выделена и описана шурмакская культура, памятники которой распространены на территории Тувинской АССР. Известные в то время шурмакские материалы удалось подразделить на два последовательных этапа, устано-

вить их датировки, а также определить хронологические рамки культуры в целом (II в. до н. э.—V в. н. э.)¹.

В настоящее время количество раскопанных памятников шурмакского типа значительно увеличилось в результате продолжавшихся полевых исследований руководимой нами археологической экспедиции Московского университета (1959—1962 гг.) и благодаря работам экспедиций других научных учреждений. Новые материалы позволяют уточнить некоторые детали и знакомят нас со многими новыми фактами, которые в целом подтверждают правильность выделения шурмакской культуры, а также ее хронологию и периодизацию. Подтверждена и данная нами общая характеристика исследуемой культуры, и оценка исторической обстановки, которая сложилась тогда в этом уголке Южной Сибири.

Шурмакская культура относится к раннему железному веку. Она почти синхронна памятникам хорошо изученной таштыкской эпохи (I в. до н. э.—V в. н. э.) соседней Хакаско-Минусинской котловины, лежащей к северу от Саянского хребта, но связанной с Тувой течением Енисея². Ранний ее этап совпадает со временем распространения в Северной Монголии и Забайкалье культуры центральноазиатских гуннов (II в. до н. э.—I в. н. э.)³.

К сожалению, археологические памятники Монголии и Забайкалья, относящиеся к периоду II—V вв. н. э., еще не известны. Также не изучены и синхронные шурмакским курганы соседних с Тувой территории горного Алтая и северо-западной части Монголии.

При современном уровне наших знаний бесспорно, однако, что шурмакские памятники Тувы образуют самостоятельную культурную область, которая была заселена особой племенной группировкой, отличающейся своими специфическими обрядовыми, культурно-историческими и антропологическими особенностями. Самоназвания шурмакских племен мы не знаем, но нет сомнения в том, что это были не гунны. В этом убеждает нас внимательное сопоставление всех шурмакских материалов, в особенности палеоэтнографических данных, с известными

¹ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). ВМУ (историко-физиологическая серия), 1958, № 4, стр. 88—98.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 393—484; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960.

³ Ц. Доржсурен. Умард хунну. Улан-Батор, 1961; С. И. Руденко. Культура хуннов и поинулинские курганы. М.—Л., 1962; А. В. Давыдова. Иволгинское городище. СА, XXV, 1956; она же. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье (автореф. канд. дисс.). Л., 1965; Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник. ПИДО, 1935, № 1-2; он же. Раскопки Ильмовой пади. СА, VIII, 1946.

гуннскими памятниками, которые хорошо известны по раскопкам в Монголии и в Забайкалье.

Потому в упомянутой работе 1958 г. нами была выделена особая шурмакская культура местных племен Тувы, хотя и было указано, что гунны около 201 г. до н. э. захватили территории Тувы и Хакасско-Минусинской котловины, а затем совершали туда разорительные набеги вплоть до середины I в. до н. э. При этом мной было прямо сказано, что «типично гуннских погребений того типа, который хорошо известен по раскопкам в Забайкалье и Нонн-Уле (МНР), в Туве пока не обнаружено, а если они и будут обнаружены, то не они определяют облик культуры Тувы того времени»⁴. Поэтому вызывает удивление необоснованное заявление С. И. Руденко, что в Туве в последние годы были вскрыты погребения, «которые их исследователями считаются хуннскими», со ссылкой на цитируемую выше мою работу⁵.

Известно, что в Южной Сибири имеются памятники, непосредственно связанные с гуннами. Так, в Хакасии на левом берегу р. Абакан (в 8 км к югу от Абакана) исследованы остатки дворца гуннского наместника начала I в. до н. э.⁶

Но есть ли в Туве действительные памятники гуннской культуры, свидетельствующие не о торговых или иных взаимосвязях, а о пребывании самих гуннов? На этот вопрос следует ответить утвердительно. В настоящее время мы имеем находки посуды и других предметов гуннской материальной культуры, резко отличные от шурмакских. Они происходят с разветвленных стойбищ, из древних горных выработок железа и, по видимому, из разрушенных погребальных сооружений.

Еще в 1926 г. С. А. Теплоухов обнаружил на песчаных дюнах по левому берегу пересыхающей речки Боянкольчик⁷ разветвленное стойбище и собрал там подъемный материал. Это были фрагменты двух гладких сосудов, обломок куранта зернотерки из серого камня и так называемая когтевидная подвеска из белого прозрачного нефрита (рис. 1, 1; рис. 2)⁸. На этих же дюнах в 1960 г. нами были собраны в одном месте: аналогичная когтевидная подвеска, сделанная из известняка; обломок известнякового колечка и фрагменты красноглиняного

⁴ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы, стр. 97.

⁵ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 22 (непонятно, для чего С. И. Руденко в книге о гуннах понадобилось публиковать шурмакские предметы и посуду. См. табл. VIII, 9; XXVI, 1—3).

⁶ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 479—484; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 161—166.

⁷ На левом берегу Улуг-Хема, в 3—4 км к юго-западу от горы Хайыракан, в 10 км к востоку от Шагонара.

⁸ Материал не опубликован. См. рукописный дневник С. А. Теплоухова за 1926 г. в архиве Музея народов СССР, тетрадь № 15. Предметы хранятся в Государственном Эрмитаже, коллекция № 4609.

Рис. 1. Каменные подвески:

1, 2, 4 — со стойбища на р. Баянкольчик; 3 — из дома гуннского наместника близ г. Абакана;
1, 3 — белый нефрит; 2, 4 — известняк

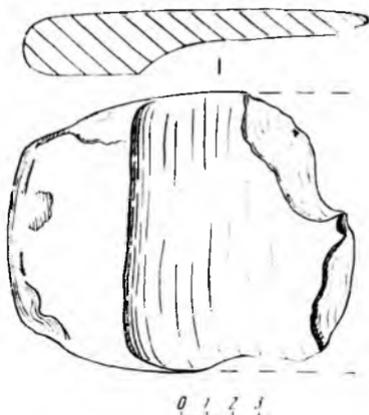

Рис. 2. Обломок каменного куранта зернотерки со стойбища на р. Баянкольчик

лепного сосуда с резным линейно-волнистым орнаментом (рис. 1, 2, 4; рис. 3, 5)⁹.

Предметы, найденные С. А. Теплоуховым и мною на стойбище по р. Боянкольчику, не встречаются в памятниках шурмакской культуры (исключение составляет зернотерка общераспространенной формы, рис. 2). Но они являются характерными находками для гуннских памятников II—I вв. до н. э. (дзрестуйский этап)¹⁰. Например, такие же по форме каменные когтевидные привески и колечки известны среди находок на Иволгинском городище и в его могильнике в Забайкалье, а также в доме гуннского наместника в Хакасии (рис. 1, 3)¹¹. Об-

⁹ Дюны по р. Баянкольчик, сборы 1960 г., пункт № 5. Материал хранится на кафедре археологии МГУ.

¹⁰ Все памятники культуры центральноазиатских гуннов подразделяются мной (в курсе лекций «Ранний железный век Сибири», читаемом на историческом факультете МГУ) на два этапа: дзрестуйский (II—I вв. до н. э., памятники: Иволгинское городище и его могильник, Дзрестуйский могильник, дом Ли Лина и др.) и Суджинский (I в. до н. э.—I в. н. э., могильники: Ноин-Ула, Суджинский в Ильмовой пади, Бурдун, Наймаа-Толгой и др.). Об этих памятниках см.: Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 85, 126, 163, 164.

¹¹ А. В. Давыдова. Иволгинское городище, рис. 25, 6, 13, 16; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 164 (вещи хранятся в ГИМ; четыре случайно найденных бело-нефритовых целых подвески хранятся в Минусинском музее, инв. № 44, 45, 49, 50). Под нашим влиянием А. В. Давыдова изменила датировку городища, данную ею в указанной статье (I в. до н. э.—I в. н. э.), на более верную — I—II вв. до н. э. (см.: А. В. Давыдова. Новые данные об Иволгинском городище. «Тр. БКНН СО АН СССР», вып. 3. Улан-Удэ, 1960, стр. 158—161; она же. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье).

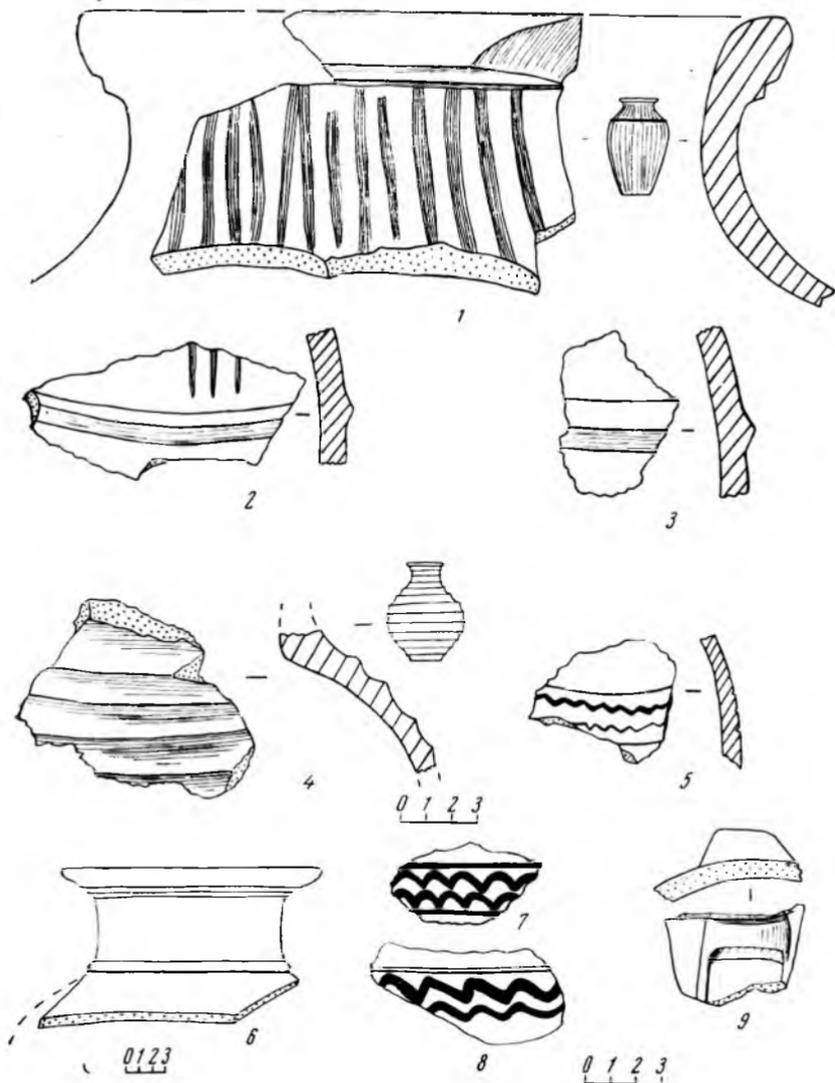

Рис. 3. Обломки сосудов гуннских (1—3, 5—9) и уюкского (4):
 1—4 — из древней выработки железа в урочище Кара-Суг; 5 — со стойбища на
 ф. Баянкольчик; 6—9 найдены на р. Чадан (1, 3, 6—9 на ручном гончарном круге;
 4—5 — лепные)

ломки сосудов, собранные здесь, также являются гуннскими. Это — боковинки лощеного вазообразного сосуда, сделанного на ручном круге (с плотным серым тестом, насыщены мелкими белыми включениями); затем фрагменты лепного, желтого, грубо заглаженного сосуда (с черным в изломе тестом, насыщенным гравием) с конически сужающейся горловиной и невыделенным венчиком; наконец, упомянутые выше обломки красноглиняного сосуда с линейно-волнистым орнаментом (рис. 3, 5). Совершенно аналогичные по форме, технике изготовления и по орнаменту гуннские сосуды были найдены в Иволгинском городище и в доме гуннского наместника. В Иволгинском городище обнаружены и подобные зернотерки¹². Таким образом, описанные находки при отсутствии культурного слоя позволяют заключить, что на дюнах по р. Боянкольчику в период II—I вв. до н. э. существовало временное гуннское стойбище, состоявшее, очевидно, из нескольких юрт.

В Каа-Хемском районе Тувы в 1962—1963 гг. в урочище Кара-Суг, в 25 км к югу от ключа Чеварлык (в междуречье р. Бай-Сюта и Бурен-Хема, правых притоков Каа-Хема), были открыты геологами и археологом Я. И. Сунчугашевым древние горные выработки по добыче железной руды (магнетита и гематита). Выработки имеют вид задернованных воронкообразных ям (от 5 до 20 м в диаметре). Около них были найдены и железные шлаки, оставшиеся от производства кричного железа на месте. В 1963 г. здесь был расчищен один из древних карьеров. В нем на глубине 1,5—2 м были встречены кости мелкого рогатого скота; на глубине 2,5 м обнаружены обломки двух сосудов, а на глубине 3 м оказался древесный уголь и зола, которые свидетельствуют о применении здесь огневого способа добычи железной руды.

Несомненно, что кости скота представляют собой остатки мясной пищи древних рудокопов, а в сосудах они держали жидкую пищу или воду. Найденные фрагменты посуды важны как для определения времени добычи здесь железа, так и для выяснения этнической принадлежности рудокопов (рис. 3, 1—4)¹³. Обнаружены обломки двух кувшинов для воды в редком и любопытном сочетании. Это фрагменты узкогорлого крынкообразного сосуда конца второго этапа (III в. до н. э.) местной уюкской культуры и обломки типично гуннского большого кувшинообразного сосуда.

Уюкская «крынка» была лепной, хорошо заглаженной, с

¹² А. В. Давыдова. Иволгинское городище, стр. 272—285, рис. 9, 11—13, 166. Обломки сосудов из дома Ли Лина хранятся в ГИМ.

¹³ Хранятся в музее кафедры археологии МГУ. См.: Я. И. Сунчугашев. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве (автореф. канд. дисс.). М., 1964, стр. 14.

красной, пятнистой от неравномерного обжига, рифленной поперек, как бы гофрированной поверхностью, с черным, насыщенным гравием тестом (рис. 3, 4). Такие сосуды часто встречаются в позднеуюкских курганах IV—III вв. до н. э. вместе с оружием и орудиями труда, сделанными уже из железа¹⁴.

Что касается гуннского вазообразного кувшина, то он имеет светло-серое, аморфное тесто с белыми известковистыми включениями. Черепок его — крепкий, звонкий, черепицеобразный. Все тулово этого сосуда, сделанного на ручном гончарном круге, покрыто характерными редкими полосами вертикального лощения. Сосуд имеет довольно широкую горловину (23,5 см диаметром) и массивный отогнутой наружу венчик (общий диаметр 27,5 см). По его плечу проходил напелной горизонтальный валик (рис. 3, 1—3). Подобные сосуды — частая находка в раннегуннских памятниках дэрестуйского этапа¹⁵.

Такое сочетание гуннской и уюкской посуды могло быть лишь на рубеже III и II вв. до н. э. Как мы уже отмечали, гунны в 201 г. до н. э. завоевали земли бассейна верхнего Енисея. Именно тогда уюкский племенной союз прекратил свое существование и возникла новая шурмакская культура, сменившая в Туве уюкскую¹⁶.

Совместная находка уюкского и гуннского сосудов в одной из древних выработок железной руды в Кара-Суге имеет большое значение: она, во-первых, датирует эту выработку концом III — началом II в. до н. э., во-вторых, позволяет заключить, что добывать железную руду здесь начали еще местные уюкские племена на втором этапе их развития (V—III вв. до н. э.), когда в погребениях этой культуры повсеместно начали встречаться предметы, сделанные из железа; в-третьих, позволяет прийти к выводу, что гунны, сразу после завоевания этой территории, сами начали разработку железных месторождений Тувы.

Последнее обстоятельство весьма существенно. Оно указывает на экономические причины гуннского завоевания районов Саяно-Алтайского нагорья и Южного Забайкалья, чрезвычайно богатых металлическими месторождениями железа, меди, золота, олова и т. п. Иволгинское городище было, вероятно, поселком металлургов, литейщиков, кузнецов и прочих мастеров, снабжавших гуннский племенной союз необходимыми предметами вооружения, орудиями труда и быта. Ведь исконные зем-

¹⁴ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы, стр. 77, 82. Особое сходство имеет рифленая кринка из разграбленного уюкского кургана в котловине Деспен. Она хранится в Государственном Эрмитаже, коллекция № 1788—7. Сосуды с поперечным рифлением изредка встречаются и в соседней тагарской культуре.

¹⁵ А. В. Давыдова. Иволгинское городище, рис. 10, 1.

¹⁶ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 96; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 50.

ли гуннов — в равнинах Ордоса, Гоби и степях современной Монголии (где они обитали до завоевания указанных северных горных районов в конце III в. до н. э.) почти лишены рудных месторождений полезных ископаемых.

Вот причина того, что оформившийся в III—II вв. до н. э. гуннский племенной союз, захватив всю Центральную Азию, в 201 г. до н. э. ринулся на завоевание северных районов, богатых месторождениями рудного сырья. Во время этого завоевания были разгромлены уюкский и тагарский племенные союзы на Енисее, а также местные племена Забайкалья — носители культуры «плиточных могил». Тогда-то и появились первые памятники гуннской материальной и духовной культуры в захваченных северных землях, в том числе и описываемые в настоящей статье.

Отметим находку гуннских сосудов в западной части Тувы возле г. Чадана. Здесь в 1958 г., при разливе р. Чадан, пастухами были обнаружены в земле два больших вазообразных сосуда, очевидно, из размытой в этом месте гуннской могилы¹⁷. Сделаны они были на ручном гончарном круге. Один из них, сохранившийся целиком (высотой 42 см), хранит на дне квадратный отпечаток от шипа гончарного круга. Его темно-серая поверхность имеет вертикальное лощение и характерный для гуннских вазообразных «бочек» орнамент: три резных линии вокруг горла и пояс по плечу, состоящий из двух параллельных напелных валиков и с зигзагом из валика между ними (рис. 4). Подобные сосуды имеются в Иволгинском городище в Забайкалье; сходны с нашей вазообразной «бочкой» так называемые погребальные урны из курганов гуннской знати в Ноин-Уле¹⁸. Вторая ваза, серая и лощеная, дошла до нас в обломках. Ее отдельно сформованное горло имело резко отогнутый венчик (диаметр 20 см) с оттянутым валиком снизу и другим подобным, проходящим по основанию горла. Сосуд украшали два орнаментальных пояса. В первом случае между двух горизонтальных валиков идут две резные волнистые линии. Во втором две волнистые линии заключены между прямыми резными. На первом поясе орнамента располагались две небольших ручки в виде выступов (рис. 3, 6—9).

Вазы с валиками по горловине, с поясными орнаментами и ручками-выступами характерны для посуды дэрестуйского этапа гуннской культуры¹⁹.

¹⁷ Поступили в Кызыльский музей в октябре 1960 г., инв. № 3723. Дар чабана Чжан-оола Ондара из колхоза «30 лет Октября».

¹⁸ А. В. Давыдова. Иволгинское городище, рис. 9; С. И. Руденко. Культура хуннов и ноин-улинские курганы, рис. 51, ж, к; табл. XXVI, 4; XXVII, 8; П. Козлов. Дары Монголии. «Советская Азия», 1930, № 3-4, рис. 6.

¹⁹ А. В. Давыдова. Иволгинское городище, стр. 274—284, рис. 11, 3, 12; она же. Новые данные об Иволгинском городище, рис. 6, 4, 10; Г. П. Соколовский. Дэрестуйский могильник, рис. 4.

Таковы материалы из трех раз-
нообразных памятников Тувы
(стойбище, древний рудник, погре-
бение), принадлежавшие централь-
ноазиатским гуннам, находившим-
ся на том раннем этапе развития
их культуры, который относится ко
II—I вв. до н. э. и, по нашему пред-
положению, может быть назван
дэрестуйским этапом. Добавим, что
в числе случайных находок из Тувы
известны те же литые монеты (вы-
пущенные в конце II в. до н. э.),
которые были встречены в поздних
гуннских погребениях Дэрестуйско-
го могильника в Забайкалье²⁰.

Таким образом, можно заклю-
чить, что некоторые памятники гун-
нов известные теперь не только на
территориях Монголии и Забай-
калья, но и в бассейне верхнего и
среднего течения р. Енисея, т. е. в
Хакасии и в Туве. Все они хорошо подтверждают письменные
сообщения о завоеваниях гуннами этих территорий на рубеже
III—II вв. до н. э. и затем в 49 г. до н. э. Заметим, что в Туве
еще могут встретиться и памятники гуннов, относящиеся к суд-
жинскому этапу их культуры (I в. до н. э.—I в. н. э.). Вероятно,
найдутся могилы гуннов, погибших в Туве, отличающиеся при-
сутствием им палеоэтнографическими особенностями в устройстве
погребальных сооружений и в обряде. Последние известны нам
как по письменным источникам, так и по археологическим рас-
копкам гуннских могил в Монголии и Забайкалье²¹.

Однако следует подчеркнуть, что никогда гунны в Хакасии
и Туве не жили большими группами, они оставляли в этих стра-
нах лишь своих наместников, свои гарнизоны (не всегда состояв-
шие из собственно гуннских воинов) и, вероятно, своих рудо-
знатцев и мастеров. Был также период (74—56 гг. до н. э.),
когда местные племена Хакасии и Тувы изгнали гуннов и даже
совершали сокрушительные набеги на гуннские земли, находив-

Рис. 4. Гуннский сосуд, най-
денный на р. Чадан

²⁰ Сборы С. А. Теплоухова, 1929 г., район г. Турана. Хранится в Государствен-
ном Эрмитаже, коллекция № 5133—25; ср.: Г. П. Соколовский. Дэрестуй-
ский могильник, рис. 3 (отличались с перерывами от 118 г. до н. э. до 618 г.
н. э.).

²¹ Судя по предварительным сообщениям, отдельные гуннские могилы обнару-
жены Саяно-Тувинской экспедицией на Улуг-Хеме (см.: А. М. Мандель-
штам. Исследование могильников Бай-Даг II и Часкал II. АО за 1966 г.).
М., 1967, стр. 128.

шиеся на территории современной Монголии. В 49 г. до н. э. гуннам пришлось вновь завоевывать северные земли, но с уходом орды в Среднюю Азию, где в 36 г. до н. э. гунны были совершенно разбиты, территории Тувы и Хакасско-Минусинской котловины навсегда освободились от недолговечной и не имевшей прочной опоры власти гуннов²².

Учитывая роль и значение гуннских завоеваний III—I вв. до н. э. для истории племен Саяно-Алтайского нагорья, мы вместе с тем должны подчеркнуть, что в этническом и в историко-культурном смысле облик археологических культур этого района определяло основное, преобладающее в количественном отношении местное население. Поэтому следует изучать конкретные культуры местных племен: таштыкскую — в Хакасско-Минусинской котловине и шурмакскую — в Туве. Нам известно, что и та и другая просуществовали вплоть до VI в. н. э., т. е. еще четыреста лет после падения власти гуннов над Центральной Азией.

В работах по археологии Южной Сибири, отдавая предпочтение преобладающему числу однокультурных памятников того или иного времени, необходимо выделять памятники сосуществовавших на одной территории различных этнических групп как местного, так и пришлого происхождения²³. Но нельзя согласиться с попыткой некоторых археологов, обнаружив один курган с захоронением случайно попавшего на чужую территорию иноземца (даже в могильнике с многочисленными курганами местного населения, резко отличными по обряду и всем палеоэтнографическим особенностям), определять культурную принадлежность всего населения Тувы того времени по этому единичному памятнику, опираясь только лишь на найденные в нем предметы «скифского звериного стиля»²⁴.

Говоря о раннем этапе шурмакской культуры в Туве, мы должны обратить внимание на небольшое число гуннских памятников. Они являются археологическим свидетельством кратковременного пребывания в бассейне Верхнего Енисея представителей чуждой для шурмакских племен иноземной этнической группы.

²² Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 50—93; ср.: Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 161—166.

²³ См., например; Л. Р. Кызласов. Тыштыкская эпоха; он же. Этапы древней истории Тувы; он же. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). ВМУ (исторические науки), 1960, № 1; он же. Этапы средневековой истории Тувы. ВМУ (история), 1964, № 4; он же. Курганы тувинцев. ВМУ (исторические науки), 1964, № 5.

²⁴ См. о «лазырыкской культуре» в Туве, установленной по одному кургану с захоронением по обряду труположения с конем, абсолютно несвойственному местным племенам Тувы в «скифское» время. См.: А. Д. Грач. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени. СА, 1967, № 3.